

Академик

ОЙЗЕРМАН Теодор Ильич

Т.И. Ойзерман родился 14 мая 1914 г. в семье учителей математики в местечке Петроверовка (Поплавское) Тираспольского уезда Херсонской губернии (ныне – с. Жовтень Ширяевского района Одесской области Украины), расположенном на берегу р. Большой Куяльник. В 1930 г. окончил 33-ю школу-семилетку в Днепропетровске и поступил учеником-котельщиком на местный паровозоремонтный завод. В 1931 г. переехал с матерью в городок Кольчугино

Владимирской области, где был принят электриком в парозлектрический цех Кольчугинского металлообрабатывающего завода. Параллельно учился на вечернем рабфаке, после окончания которого поступил на философский факультет Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ), где учился у А.Ф. Асмуса.

В 1938 г. окончил МИФЛИ, затем аспирантуру при кафедре истории философии. В 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию. Преподавал на философском факультете МГУ с 1940 г. Работал в отделе консультаций журнала «Большевик», занимался лекторской деятельностью. Печатал рассказы в журналах «Пролетарский авангард» и «Красная новь».

После демобилизации в июне 1946 г. вернулся на преподавательскую работу – сначала в Московском экономическом институте, а с 1947 г. – на философском факультете МГУ (с 1949 г. исполнял обязанности заведующего кафедрой истории зарубежной философии).

В октябре 1951 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Развитие марксистской теории на опыте революций 1848 года». В 1954–1968 гг. стал заведующим кафедрой истории зарубежной философии МГУ. Одновременно в 1962–1966 гг. – профессор Высшей партийной школы при ЦК КПСС. С 1968 г. – профессор и старший научный сотрудник Института философии Академии наук СССР, в 1971–1987 гг. – заведующий сектором истории философии стран Западной Европы и Америки, с 1980 г. – заведующий отделом истории философии, в 1971–1987 гг. – профессор Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при Московском государственном университете.

О войне

Я был призван 8 июля 1941 г. Военком Фрунзенского района г. Москвы, ознакомившись с моими анкетными данными, сказал, что поскольку я кандидат наук, то согласно имеющимся указаниям меня нельзя зачислять в рядовые и я должен быть направлен в учебное военное заведение. Он предложил мне выбор: трехлетнее военное училище,

готовящее профессиональных офицеров и двухмесячные офицерские курсы. Военное училище представлялось мне тогда чем-то неуместным: война-то кончится, разумеется, нашей победой этак через год. В Сокольническом райкоме партии, куда я пришел 24 июня 1941 г., выразив готовность добровольцем отправиться в действующую армию, первый секретарь райкома т. Леонтьева сказала мне, что я должен продолжать свою работу в качестве старшего преподавателя философского факультета ИФЛИ (Институт истории, философии и литературы), а фашистские захватчики будут разгромлены через три месяца.

Итак, я выбрал двухмесячные офицерские курсы, которые находились под Москвой, в Кубинке. Эти курсы мне много дали. Прежде всего они помогли мне внутренне перестроиться, стать военным человеком, солдатом. Кроме того, научился неплохо стрелять не только из винтовки, но также из автомата. После окончания учебы в октябре 1941 г. нескольким курсантам – кандидатам наук – было присвоено звание старшего политрука (одна шпала). Это было неожиданно, незаслуженно и, конечно, радостно.

15 октября 1941 г. я прибыл из Кубинки в Москву, в Министерство обороны за получением назначения. Получил направление в запасной полк в г. Рассказово Тамбовской области и в тот же день отправился туда. После трехнедельного пребывания в этом полку я, наконец, получил назначение: старший инструктор политотдела 144-й авиационной истребительной дивизии противовоздушной обороны. Нетрудно понять, что это назначение меня огорчило: я не имел никакого отношения к авиации, хотя в юношеские годы мечтал стать летчиком (близорукость похоронила эту мечту). Я пытался объяснить начальству, что такое назначение не соответствует моим знаниям, но мне сказали, что приказ поступил из Приволжского военного округа, который находится в Саратове. Там же и штаб дивизии, и политотдел, в который я назначен.

Прибыв на место службы, я в первые же дни убедился, что работники политотдела, так же как и я, не имеют специальной авиационной подготовки. Начальник политотдела нам разъяснил, что наше дело – активная пропагандистская работа среди летного состава, выпуск дивизионной многотиражки, подготовка ежемесячного отчета политотдела дивизии и т.д.

В дивизии было три полка, базировавшихся на двух аэродромах в 15 км от Саратова. Военные объекты Саратова, и в особенности мост через Волгу (единственный мост на всем среднем и нижнем течении Волги), подвергались частым налетам немецких «хенкелей» и «юнкерсов». Один из них был сбит ночью летчицей Валерией Хоняковой. Ее вскоре наградили орденом Ленина.

Я постоянно пребывал в полках. Мое отношение к летчикам было восторженным. В каждом из них я видел героя, свою несбывшуюся

мечту. Летчики были требовательными людьми. Они ставили вопросы, на которые я далеко не всегда мог убедительно ответить. Например: почему у гитлеровцев превосходство в воздухе, ведь перед войной у нас было больше самолетов, в особенности истребителей, чем у немцев? Почему у гитлеровцев больше танков? Ведь до войны мы превосходили немцев и в этом отношении. Каждый из этих вопросов волновал не только летчиков, но и меня самого. Я, конечно, пытался найти удовлетворительные ответы. Главное, что мне было ясно и что очень радовало меня: летчики, как и я, нисколько не сомневались в том, что немецко-фашистские полчища, несмотря на их временные успехи и преимущество, будут разгромлены и наши армии обязательно войдут с боями в Берлин. Каждодневное общение с летчиками было для меня жизненно важным. Я знал почти каждого по имени и отчеству, каждый из них рассказывал мне о себе.

Генерал-майор Николай Козлов, который в те времена был командиром эскадрильи, впоследствии писал в своих воспоминаниях:

«У нас в полку буквально дневал и ночевал инструктор политического отдела дивизии Теодор Ильич Ойзерман. Этот уже в ту пору крупный ученый-философ носил довольно скромное звание политрука, но был настоящим бойцом партии, и его авторитет измерялся не количеством кубиков на петличках, а страстностью, деловитостью, богатством знаний.

Что греха таить, иногда беседы или лекции действовали на слушателей как снотворное. Но когда слово брал Ойзерман, равнодушных не было.

Много лет минуло с тех дней, а я до сих пор помню беседы Теодора Ильича, его пронизанные большевистской страстностью слова о неизбежности нашей победы, зажигающие сердца, – вот определение, которое предельно кратко и вместе с тем исчерпывающе полно характеризовало выступления Ойзермана. И если для меня примером навсегда останется мой наставник на курсах командиров звеньев офицер Храмов, то в политруке военных лет Ойзермане я вижу образец политического работника, друга и товарища»¹.

Н.А. Козлов был выдающимся летчиком. За время войны он сбил 17 вражеских самолетов и, естественно, был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Весной 1943 г. один из полков нашей дивизии был откомандирован на Воронежский фронт. Командиром полка был назначен майор Н.А. Козлов. Меня, по моей же просьбе, прикомандировали к полку. Мы прибыли в Касторное. Здесь был хорошо оборудованный аэродром, на котором уже расположились несколько других авиационных

---

¹ Козлов Н.А. В огне сражений. Воспоминания. Грозный, 1968. С. 111–112.

частей. Немецко-фашистское командование, по-видимому, имело информацию о том, какую угрозу для его войск представляет находившаяся в Касторном советская авиация. Почти каждую ночь немецкие «хенкели» и «юнкерсы» пытались разбомбить летное поле, уничтожить расположенные на нем десятки истребителей, но наши летчики встречали их на «яках» и «мигах» еще на подлете к Касторному. За два с половиной месяца наши летчики сбили не менее одиннадцати вражеских бомбардировщиков, потеряв лишь два «яка», пилоты которых уцелели, воспользовавшись парашютами. Ущерб, нанесенный летному полю, был незначителен; ни один самолет, находившийся на земле, не пострадал.

Положение дел существенно изменилось во второй половине июня и в первые дни июля, непосредственно перед началом великой битвы на Курской дуге. Немецкие бомбардировщики стали «навещать» Касторное дважды, а то и трижды каждую ночь. Фашистское командование явно не считалось с потерями. И немецкие бомбы все чаще падали на летное поле, но наносимые ими повреждения удавалось устранить через несколько часов. Аэродром Касторное отстояли; отсюда в дни битвы, начавшейся 3 июля, непрерывно вылетали наши истребители. Наша авиация стала господствующей. И в этом немалую роль сыграли летчики из Касторного.

Мне, как говорится, не повезло. В ночь на 28 июня я, находясь в укрытии, все же оказался в опасной близости от бомбы, попавшей в блиндаж. Я был контужен, потерял сознание, очнулся на пути из медсанбата в госпиталь, в котором я проторчал больше месяца. В документе, выданном госпиталем, я значился как «ограниченно годный второй группы». Мне разъяснили: не годен к строевой службе. Но работа в политотделе, решил я, это не строевая служба.

В начале сентября 1943 г. я вернулся в политотдел дивизии. В это время в Саратове формировалась воздушная армия и меня направили в ее политотдел на должность старшего инструктора. Правда, эта воздушная армия просуществовала всего два месяца. Ее расформировали в связи с созданием Восточного фронта ПВО. Начальник политотдела армии рекомендовал меня на должность инструктора политуправления, но с этой рекомендацией не согласились. Начальник политуправления резонно заметил: этому молодому человеку следует поучиться военному делу в пехоте. И меня направили в распоряжение управления кадров второго Украинского фронта.

Чтобы добраться до 2-го Украинского фронта, мне понадобилась неделя: пассажирские поезда передвигались крайне медленно. От Харькова – дальше поезда не шли – до деревни в районе Никополя я добирался частью своим ходом, частью на попутных грузовиках. Инструктор политуправления, к которому меня направили, долго колебался: куда меня назначить – в стрелковую дивизию или, поскольку

последней моей должностью была должность в политотделе армии, в политотдел армии. Его колебания частью объяснялись тем, что у меня не было документа о том, что я кандидат наук (защитил диссертацию 16 мая 1941 г.). Однако через два дня он, по-видимому, получил подтверждение о присвоении мне ученой степени. Это решило дело. Я был назначен «лектором» политотдела 6-й армии. «Лектор» – довоенное звание, должность эта фактически означала то же, что и старший инструктор, а проще говоря, агитатор, пропагандист.

Наши войска находились в это время в обороне. Хорошо подготовленная, разветвленная система окопов была, по выражению бойцов, «как надо». Подход к траншеям также был надежный: прикрывался кустами. Уже на второй день пребывания в политотделе армии я направился по распоряжению заместителя начальника политотдела в 205-ю дивизию, а затем из политотдела дивизии – в траншеи. Меня обрадовали бойцы, которые по-хозяйски устроились в окопах, чувствовали себя уверенно, спокойно, хотя и не приминули пожаловаться на несвоевременную доставку пищи, табака и водки. Я пробыл с бойцами часов пять, пока не стемнело. У них было много вопросов, мне же они были в высшей степени интересны как личности, которые привыкли к каждодневной смертельной опасности. Немецкие окопы находились на расстоянии 350–400 м. Немцы периодически открывали минометную стрельбу, наши отвечали тем же. Но потерь в этот день у нас не было.

В течение января и февраля я находился с бойцами в траншеях по два-три дня в неделю. Бойцы привыкли ко мне. Некоторые из них обсуждали со мной свои семейные дела, мне также давались советы умудренными солдатами. Оборона продолжалась до начала марта. В начале весны наши войска перешли в наступление. Вода буквально затопила дорогу. Не только автомашины, но даже танки застревают в грязи. Отступавшие немецкие войска оставили в грязи немало автомашин, артиллерии и танков. Наши бойцы, подобрав шинели, пробирались сквозь грязевые завалы вперед и вперед.

В районе г. Николаева немецко-фашистские войска попытались остановить наше наступление. У них была хорошо подготовленная система окопов, взять их с хода было невозможно. Пришлось и нашим войскам зарыться в землю. Немцы, будучи уверенными в том, что мы не успели создать достаточно прочный оборонительный рубеж, дважды бросались в атаку. Я, как и два других работника политотдела армии, находился с бойцами, в окопах. Здесь впервые мне пришлось участвовать в отражении атаки. Я стрелял из автомата (ППШ), а затем из ручного пулемета, выпавшего из рук раненого бойца. Когда немцы пошли во вторую атаку, они настолько приблизились к нашим окопам, что стали уже бросать гранаты. Мы отвечали им тем же. Гранат у нас было вдоволь.

Провал немецких атак стал как бы сигналом к продолжению наступления наших войск, которое было настолько стремительным, что немцы не смогли задержать нас даже на водной преграде – Южном Буге, который наши войска форсировали почти без потерь. Неподдалеку от Одессы, в районе железнодорожной станции Выгода немецкие захватчики вновь попытались остановить наши войска, но это им не удалось. 10 апреля 1944 г. Одесса была освобождена.

Несколько дней наша армия, так сказать, отдыхала. В действительности это был не отдых, а организация пополнения армии, которая в ходе боев, начиная с июля 1943 г., потеряла убитыми и ранеными больше половины своего состава. И Одесса предоставила нам возможность пополнить наши ряды. В одесских катакомбах скрывалось во время оккупации города более ста тысяч молодых людей. Почти все они были мобилизованы, влились в нашу армию. Не знаю, в какой мере удалось научить военному делу молодежь, так как мы получили приказ форсировать Днестр. Такой же приказ получила 8-я гвардейская армия. Форсирование реки совершилось ночью, но у немцев было достаточно осветительных ракет, чтобы видеть происходящее. Сотня лодок, наскоро сбитых плотов, рассредоточенных более чем на километр, способствовали успеху переправы. Наши потери были невелики. Но они заметно возросли в борьбе за плацдарм и его укрепление. Вражеские войска непрерывно предпринимали атаки. Здесь на плацдарме мне пришлось во второй раз участвовать в отражении немецкой атаки. Нас кое-где потеснили, но сбросить в Днестр не удалось.

Через день мы, работники политотдела, получили по радио приказ возвратиться на левый берег Днестра и прибыть в указанное время к начальнику политотдела армии. Генерал-майор Надоршин сообщил нам, что армия отводится с днестровского плацдарма и переходит в состав 3-го Украинского фронта. Позже стало известно, что нас отправляют в Западную Украину и что мы будем принимать участие в форсировании Вислы. Однако пока армия добиралась до Вислы, она уже была форсирована; плацдарм на другом берегу реки также успели завоевать другие армии. Нам предстояло укреплять этот плацдарм и участвовать в наступлении на территорию Польши. Мы прошли с боями весь путь до Одера, т.е. до границы Германии. Форсировали Одер вместе с армиями 1-го Украинского фронта, в состав которого были затем переданы.

Наше участие в наступательных боях продолжалось до подступов к Бреслау (Вроцлава) – крупнейшего центра восточной части страны. Армия получила приказ окружить Бреслау, начать его осаду, понемногу отвоевывая городские кварталы. К этому времени 6-я армия вследствие неизбежных потерь насчитывала не более 10 тыс. активных бойцов. А в Бреслау, как выяснилось к концу апреля, находилось около 40 тыс. немецко-фашистских солдат. Сдержать такую военную

силу даже в конце войны, когда крах гитлеровской Германии стал очевиден, было совсем не просто. Но нас поддерживали приданные нам артиллерийские и танковые части, а 16-я воздушная армия регулярно бомбила военные объекты внутри города. Благодаря этому нашей армии, несмотря на ее малочисленность, удалось овладеть почти всеми оборонительными сооружениями города. Немцы упорно сопротивлялись. Бои шли за каждый дом. Против танков противник стал применять новейшее свое изобретение – фаустпатрон, небольшой ракетный снаряд, который выпускался с руки на расстояние примерно 30 м от цели. Снаряд, в случае попадания, не пробивал, а прожигал танковую броню. Такие снаряды у нас применялись уже в артиллерии, но это был небольшой «ручной» снаряд. Теперь пришлось изменить тактику. Пехота расчищала путь танкам и самоходным орудиям. Даже овладение Берлином и самоубийство Гитлера не изменило ситуации в районе Бреслау. Осажденные немецкие войска готовились, как нам стало известно, прорвать кольцо обороны и уйти на запад. Наши разведчики и в особенности летчики своевременно заметили концентрацию немецких войск на западной окраине города. Эти войска были подвергнуты авиационной и артиллерийской обработке, продолжавшейся несколько часов. Попытка немцев вырваться из окружения была сорвана.

7 мая гарнизон Бреслау капитулировал. В ночь на 8 мая мы, собравшись в политотделе, услышали, что немецко-фашистские войска капитулировали на западе Германии. 9 мая немцы капитулировали на всей территории страны. 9 мая и последующие дни недели мы взахлеб праздновали победу Советского Союза над гитлеровской Германией. Сознание того, что армия нашей Родины разгромила немецко-фашистские войска, которые одержали победу на всем европейском континенте, переполняло советских солдат и офицеров патриотической гордостью.

Само собой разумеется, что после окончания Великой Отечественной войны я ожидал скорейшей демобилизации, чтобы вернуться к прерванной работе, которую воспринимал не просто как профессию, но как призвание. Однако командование, учитывая, что я вполне владею немецким языком, отправило меня в политуправление Центральной группы войск, штаб которых находился под Веной (г. Баден). Условия для работы были, конечно, несравнимы с военным временем. Достаточно указать хотя бы на то, что наша офицерская столовая ничем фактически не отличалась от ресторана мирного времени: там было все, что обычный человек пожелает, а кроме того, еще французские вина, коньяки, виски. Все это черпалось из складов немецкого вермахта.

Я прослужил в Бадене почти год, побывал в командировках в Венгрии, Румынии, Болгарии. Впечатлений было много, но тоска по жене и детям все нарастала и вылилась, наконец, в депрессию. Ни есть, ни пить не хотелось, все опротивело. К счастью, у меня хватило сообра-

зительности и воли, чтобы представить начальнику политуправления полковнику Пирогову справку из госпиталя: «ограниченно годен второй группы», вместе с письменно выраженной просьбой о демобилизации. Ответ был категорический: надо служить, будете служить. Меня охватило возмущение, которое я, конечно, не мог высказать полковнику. Я отважился пойти на прием к члену Военного совета генералу Галаджеву. Он взглянул на справку и сказал, что меня на основании этого документа могли демобилизовать даже во время войны. Я ответил: «Мне это было известно, но не хотелось тогда покинуть действующую армию. А сейчас, когда войны уже нет, прошу отпустить меня домой». Генерал сказал: «Никаких возражений». Он тут же позвонил начальнику управления кадров полковнику Любимову и распорядился, чтобы он немедленно оформил демобилизацию майора Ойзермана. Уже на следующий день я получил соответствующий документ и 10 тыс. руб., выдававшихся каждому подлежащему демобилизации офицеру. В этот же день мне удалось устроиться пассажиром (единственным) на бомбардировщик «Петляков-2» и поздно вечером 10 июня 1946 г. мы приземлились в Люберцах под Москвой.